

Алексей
Слаповский

СЕРАЯ

ВЕТКА

ФОТОПОВЕСТЬ

Алексей Слаповский

Серая ветка

«Издательские решения»

Слаповский А.

Серая ветка / А. Слаповский — «Издательские решения»,

Алексей Слаповский написал и нафотографировал необычную книгу. Герой, которого бросила жена, ездит по «серой» ветке московского метро, бродит по улицам, снимает, выбирает место, где теперь поселиться и начать новую жизнь. И удивляется тому, что, оказывается, совсем не знает Москву — даже с внешней стороны. И жену, судя по его воспоминаниям, не очень знает. И себя тоже. Фотографии — часть текста, получился новый жанр, новый опыт, который многим покажется интересным.

© Слаповский А.

© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
«Алтуфьево»	7
«Бибирево»	26
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Серая ветка
Фотоповесть
Алексей Слаповский

© Алексей Слаповский, 2015

© Яков Бояршинов, дизайн обложки, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

В жизни каждого автора регулярно возникают люди, которые говорят: я сейчас расскажу тебе уникальную историю, а ты запиши. И рассказывают. Выясняется, что уникальных историй на свете очень мало. Они такими являются лишь для тех, кто их пережил. Правда, на этот раз были еще и фотографии, довольно скучные и неказистые, но очень подходящие к рассказу. «Ты напиши и вставь их, – говорил мой сосед и приятель, выбравший меня исполнителем, – и будет новый жанр!»

Никакого нового жанра, конечно, не проглядывалось. Но было во всем этом что-то странное, что-то притягательное. Я поддался, написал историю, изменив в ней с ведома прототипа очень многое, включая имена и обстоятельства. Добавил, как обычно, своего, присыпал чужим и посторонним. В результате приятель оказался разочарован. «Это не мое, – сказал он. – Не обо мне. Хочешь – публикуй, мне все равно. И вообще, у меня сейчас уже совсем другая жизнь».

На том мы и порешили.

И вот эта история.

«Алтуфьево»

– Что будем искать? – спросила риэлтор Любовь Гавриловна.

– Мне все равно, от меня жена ушла, – ответил я.

– Типа юмор? – уточнила она.

– Чей? Жены?

– Ваш. При чем тут ушла?

– Если бы не ушла, я бы не искал квартиру. Хотя на самом деле ушел я. То есть фактически ушла она. Бросила. Изменила. Когда жена изменяет и не хочет с мужем жить, как говорят обычно? Говорят – ушла, – толковывал я ей. – И иногда они в самом деле уходят. Физически. Реально, – я показал пальцами на столе, как уходят. – Но в моем случае получилось, что она ушла, но никуда не ушла, ушел-то как раз я. От нее и от сына, – я опять показал пальцами, но в другую сторону.

Любовь Гавриловна на рынке недвижимости тридцать лет, о чем она сразу же сообщила, прибавляя себе делового веса. И, наверное, много чего повидала, ее не удивишь. Да и вообще, удивляться – тратить силы, женщины их экономят, поэтому живут дольше. Если они, бывает, и удивляются мужским штукам, то из вежливости и для приманки.

– Я уважаю ваши проблемы, Дмитрий, – сказала Любовь Гавриловна, отодвигая на всякий случай бумаги от моих странных пальцев, – но вопрос не об этом стоял. Вопрос элементарный: какую и в каком районе будем искать квартиру?

– Желательно близко от метро.

– У вас нет машины?

– Есть. Но после развода я на машине не езжу.

– Жене отдали?

– У нее своя. Просто решил, что, раз уж так получилось, обойдусь пока без машины. Понимаете, я на машине ездил на работу – из дома. И с работы – домой. Я сына на ней возил. Заезжал за продуктами – для дома. То есть это для меня была как переправа из внешнего мира во внутренний, где жена и сын. Теперь внутреннего мира нет, переправа не нужна. Зачем мне машина?

Любовь Гавриловна, смотревшая до этого в компьютер – прочесывала базу данных, чтобы не терять время, повернула голову и взглянула на меня внимательно и серьезно.

– А кем вы работаете, если не секрет?

Я понял: ей нужно оценить мои материальные возможности.

– Руководителем отдела в одной фирме. Очень солидной.

– Тем более, руководитель – и без машины?

– Мне понравилось ходить пешком. Это, знаете, как усугубление ощущения изменения.

Чтобы в нем утвердиться, свыкнуться.

Любовь Гавриловна кивнула, хотя вряд ли поняла.

– Хорошо. Близко от метро. Уже что-то. Где? Хотя бы примерно?

– Ну... По серой ветке желательно.

– По серой ветке. Север, центр, юг?

Мой дом, мой бывший дом, находится на ближнем севере, возле метро «Тимирязевская». Я сказал ей об этом.

– То есть около «Тимирязевской» ищем?

– Желательно. Но можно и около «Дмитровской». Или вверх по ветке. «Петровско-Разумовская», что там у нас дальше? «Владыкино», «Бирюлево»?

– «Бирюлево» нет такой станции. «Бибирево» у нас там. «Отрадное», «Бибирево», «Алтуфьево».

– Интересно, – сказал я. – Пятнадцать лет живу в Москве, а ни разу в этих районах не был.

– Значит, не надо было. Я москвичка урожденная, да еще риэлтор, а в некоторых районах до сих пор тоже ни разу не была.

Любовь Гавриловна задумалась, вспоминая. И вдруг рассмеялась:

– А ведь везде на самом-то деле! Ни одной станции, ни одного района нет, где хоть раз бы не была! Надо же!

Она покрутила головой, радуясь насыщенности и полноте прожитой жизни, но тут же вернулась к делу:

– Короче, «Тимирязевская» или ниже, или выше?

Я тормозил и думал. Как же это получилось? Пятнадцать лет прожить в Москве, из них шесть на серой ветке, и ни разу не побывать в загадочных северных районах, где тоже ведь люди живут, и там, возможно, есть что-то интересное!

Мне захотелось посмотреть.

Хоть какая-то цель.

Странная, неожиданная, но это и хорошо.

– А давайте я съезжу и посмотрю.

– Что?

– Ну, что там за места, которые около станций. Выходишь – и что-то видишь, это важно, понимаете? Мне, допустим, все равно, хотя нет, тоже не все равно. Я к чему? Вот я сниму квартиру, а потом куплю, то есть сначала сниму, обживусь, а потом куплю, если понравится. Значит, там будет жить моя семья.

– Новая семья?

– Почему? Еще неизвестно, как сложится. Да, ушла, то есть разошлись, но никто не сказал, что навсегда. У меня какая мысль: сыну пять лет и четыре месяца, он все впитывает, для него все важно. Может, он там долго будет жить, это будет его родина. Понимаете? А родину выбирать – не шуточки, так ведь?

– Родину не выбирают, – сказала Любовь Гавриловна с патриотической интонацией, в которой слышалась внушенная убежденность. – Я бы вот тоже на Доминикане хотела родиться. Доминиканская республика, Гаити, знаете, были там?

– Знаю, был.

– Райское место, правда?

– Да.

– Вот я бы там, может, хотела бы родиться. Каждый год туда летаю, наслаждаюсь просто! Суперская природа, море, да все! Обычно беру восемь дней, семь ночей. Максимум девять-десять. А один раз неплохо заработала, скидки были от фирмы, короче, на две недели туда полетела. Просто роскошь! Правда?

– Да.

– А вот нет! Я там к концу просто уже с тоски не знала, куда деваться! Хочу домой, не могу!

– Понимаю. Но я не в целом про страну, а про конкретное место.

– Ваше право, ездите, если время есть, а я пока по базам прогуляюсь. Ценовая категория какая у нас?

Мне не хотелось говорить о ценовой категории.

Хотелось о расставании с женой. Хотелось спросить Любовь Гавриловну, как это возможно: человек тебя любит, а потом, оказывается, не любит? Бывало ли у нее такое? Бросала ли она кого-то, бросали ли ее? На пальцах у Любви Гавриловны много золотых перстней с камешками, но не видно обручального кольца. Наверняка имеется какая-то драматическая история. Коварный муж, который жил двойной жизнью. Решительный разрыв. Остались вдвоем с дочерью, потом дочь выросла, вышла замуж, но тоже несчастлива, что, если признаться, утешает.

Не одной мне страдать. Да и бывает ли семейное счастье в принципе? Одной жить лучше. Денег хватает, машина суперская, работа суперская, квартира суперская, плюс дача в Подмоскowie и отдых на Доминикане, что еще нужно человеку?

– У вас, наверно, дети взрослые уже? – спросил я.

– Дочь, – кратко ответила Любовь Гавриловна. – Да, совсем уже взрослая.

Значит, я угадал. Угадал, судя по явному нежеланию Любви Гавриловны вдаваться в тему, и то, что с дочерью не все в порядке.

Хотелось спросить об этом.

Но одновременно не терпелось уже начать искать и смотреть.

И я наскоро изложил Любви Гавриловне, какие у меня пожелания относительно цены и всего прочего, и ушел от нее.

Пересек Цветной бульвар и спустился в одноименное метро.

С тех пор, как Вера сказала мне, что у нее есть другой мужчина, я стал внимательным, наблюдательным, словно возмещал то, что не разглядел под носом.

Я вглядываюсь в окружающее, в людей, будто цепляюсь за них, потеряв равновесие. Или что-то ищущу. Или пытаюсь понять.

Понять в первую очередь, почему меня разлюбили и как это поправить. Ведь не может быть, чтобы навсегда. Это поправимо.

Но как?

Надо думать, а думать нет сил, поэтому наблюдаю, ищущу подсказку.

Вот девушка на эскалаторе впереди в туго обтягивающей ее стан лазоревой кофточке. Велика голова у девушки, гладко обчесанной желтыми волосами, мощна шея, кофточка рельефно обозначает на талии несколько колец излишней плоти (словно обернувшаяся вокруг дерева змея) – нарочно ли девушка показывает это всем, гордится ли этими кольцами? Почему так смела, почему не прячет? Или отчаялась и – нате, подавитесь какая есть, такая и есть, кому надо – полюбит!

И, может, уже кто-то любит? Ложится рядом с нею, милой и уютной, ласкается, гладит ее, единственную, перебирает кольца пальцами, шепчет ласковые слова, а она улыбается снисходительной царицей, чувствуя свое могущество...

На рекламном щите тоже улыбка. Юная женщина в черном кружевном белье лежит, изогнув свои и без того волнующие изгибы и обещая всякому, кто на нее посмотрит, все, что посмотревший пожелает. И ведь знаешь, что это неправда, и она знает, и рекламщики, соорудившие этот соблазн, знают, и все, глядящие на нее, знают, но именно это и нужно: недостижимость. Только недостижимое манит. Появись она сейчас прямо вот тут, на эскалаторе, в этом белье, сначала был бы, конечно, легкий шок, потом ты начал бы приглядываться: там прыщик, там припудрено, там замазано, а придешь с нею домой, смоешь она все с себя, окажется заурядной и обыкновенной, но ты под впечатлением плаката проведешь с ней жаркую ночь или две, три, а потом все сведется к тому, кому мусор вынести, кому картошку жарить, кому пора по делам ехать, а кому приспичило пообщаться – ссора, обида, боже мой, какая дура, сам такой...

Но есть красавицы, с которых не смывается красота. А есть не очень красивые, которым не помогут никакие краски и замазки.

Почему так?

Почему одним дается все, другим ничего, а третьем так себе, середина наполовину, как бы и да, но сплошь и рядом нет?

И так ли это важно, если тебя любят?

Я отвлекал себя разными мыслями, чтобы успокоиться.

Предстоящая встреча со станцией «Алтуфьево» и окрестным районом волновала меня все больше. Даже ладони слегка похолодели и увлажнились, я потер их друг о друга.

В руках у меня ничего нет.

Нет также рюкзака, сумки через плечо.

Ничего.

Я чист и пуст.

Раз уж я остался один, то правильной именно так.

Бумажник в одном кармане, телефон в другом. Всё. Да, еще ключ от квартиры, но не от своей. Пустил к себе друг и земляк Коля.

Все начали выходить из вагона. Что, уже? Как-то быстро.

Выяснилось, что поезд следовал только до «Отрадного», и пассажиров попросили освободить вагоны.

Эта задержка, это препятствие, с одной стороны, были досадными, с другой, показались небольшим приключением. Оно отвлекло. Напомнило, что есть в жизни что-то еще, кроме того, что случилось со мной.

И ведь машинист объявлял же, что поезд идет до «Отрадного», вспомнил я, заглянув памятью в только что прошедшее прошлое, зачем же я вошел в него? А зачем вошли другие, кто вместе со мной доехали до «Отрадного» и вот теперь тоже стоят на перроне? Знали, что придется выйти, но все равно поехали. От нетерпеливого желания оказаться ближе к цели? Если вдуматься, в этом нет никакого смысла. Что так, что так, быстрее не приедешь. А может рассудили, что следующий поезд будет более многолюдным, так хоть до «Отрадного» прокатиться с комфортом? Но ведь не час пик, поезда полупустые.

Загадка.

Еще одна.

Пусть их будет больше – чем больше вариантов, тем вероятней возможность найти ту ниточку, которая меня выведет к необходимому открытию, и я наконец пойму, что случилось.

Я не наивный человек и не собираюсь им притворяться, я знаю, что в жизни бывает всякое. Но почему оно со мной случилось? Так ли все бесповоротно? А если бесповоротно, чем тогда жить?

Ответы я тоже знаю, но они меня не устраивают. Огромное количество людей верит в бессмертие души, для них это незыблемое «да». Любые «нет» или «да, но» – не принимаются. Никаких нет, никаких но.

Следующий поезд был таким же пустым, как и предыдущий. Я сел, хотя в метро обычно стою.

Глазел на окружающих.

Я мог бы читать, слушать музыку, смотреть кино на моем смартфоне, но у меня не получается. Надо ведь *захотеть* что-то почитать, послушать или посмотреть, а я не хочу. Тыкать случайно? Пробовал. Все тексты, вся музыка, все фильмы и ролики кажутся странными, не имеющими никакого отношения к тому, что со мной происходит. А если бы имели отношение, я тем более не смог бы читать, слушать и смотреть. Слишком больно.

И надо ведь еще выбирать, искать, включать, надо что-то делать.

А наблюдать за теми, кто вокруг, для этого ничего не надо делать, этих людей не надо искать или включать, они появились сами по себе.

Вот – пожилой мужчина, которого я выбрал для пристального осмотра, не успев еще осознать, что уже выбрал.

Он сидит напротив. Седые волосы, красноватое лицо. Дешевая спортивная куртка, синяя, с белыми полосками на рукавах, серые брюки, сандалии, черные носки. Все обжитое хозяином, уютное. Как и я, мужчина без вещей. Глаза полуприкрыты. Вид усталый, болезненный.

Почему-то подумалось, что он обречен. Смертельный диагноз. Он знает, что конец неминуем – и довольно скоро. Но надо жить. Надо куда-то зачем-то ехать. И он едет. Однако забыть о том, что его ждет, не может. Это мучительно.

Он почувствовал мой взгляд, посмотрел на меня без выражения и закрыл глаза так основательно, будто навсегда.

Пришлось искать новый объект.

Как я раньше не заметил! – девушка с великолепным носом! То есть с очертанием носа. Лоб не очень высокий, губы довольно тонкие, подбородок заострен, но нос, прямой, идеальных пропорций, матово-смугловатый, – просто прекрасен! Греческий, он же римский, или как там их еще называют. Благородный. И наверняка девушка знает об этом, недаром вид у нее такой гордый и независимый. Как у патрицианки, свободной женщины Рима. Которая если и изменит мужу, то сделает это так, что он же себя почувствует виноватым.

«Алтуфьево. Конечная!» – слышится голос.

Я выхожу, я ступаю на неведомый берег, на причал, куда прибывают и откуда убывают ежедневно десятки тысяч людей. Им все привычно, а мне в новинку: терра инкогнита, неведомая земля.

Снимаю (фото 1).

Светильники кажутся иллюминаторами, за которыми небо. Но нет там неба, там земля, причем земля не сверху, как видно из самолета, а земля подземная. Беспросветный тяжелый грунт. Тонны грунта. Никто, конечно, о них не думает, кроме меня, которому неизвестно зачем это лезет в голову.

Иду медленно, ищу в интернете сведения о станции.

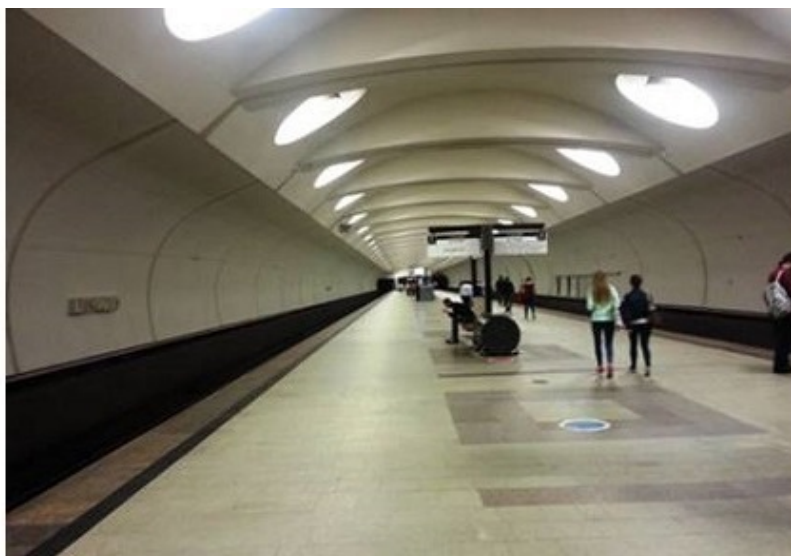

Фото 1

Может, пройдет немного времени, я выйду из вагона, держа за руку Митю, Дмитрия Дмитриевича, моего сына, и буду рассказывать ему всезнающим голосом:

- Станция, сынок, открыта в одна тысяча девятьсот девяносто четвертом году...
- А это давно?
- Очень.
- До меня?
- До тебя.
- А ты уже был?

- Был. Мне тридцать пять лет уже.
 - Много. А раньше тут что было?
 - Село. Алтуфьево, наверно, называлось. Давно.
 - А еще давнее?
 - Леса тут были. Люди бродили дикие.
 - А еще давнее?
 - Ледник был.
 - А еще давнее?
 - Море было. Везде.
 - А еще давнее?
 - А еще давнее тут вообще ничего не было. И Земли не было.
 - И тебя не было?
 - Как бы я был без Земли? Ты лучше послушай про станцию. Глубина заложения – девять метров...
 - То есть без Земли люди не живут?
 - Нет. Стены облицованы черным мрамором, пол серым и черным гранитом.
 - А где они были, когда ничего не было?
 - Нигде. Их тоже не было. Архитекторы станции – Борзенков, Вигдоров и Черемин.
- Инженеры-конструкторы...
- А откуда они взялись?
 - Это сложный вопрос.
 - Я вот родился. А они откуда?
- Тут я ступил на эскалатор, и сын исчез.
Я даже оглянулся.
Поднялся наверх. И увидел неведомое до этой минуты Алтуфьево (фото 2).
И сразу же захотелось отсюда уехать и больше никогда не возвращаться.

Фото 2

Нет, я не ждал какого-то чуда, архитектурных красот. Я ждал хоть какого-то гостеприимства, неуловимой зазывности, родственности, свойскости, чего-то, что поманило бы мою душу и душу моего Мити.

Разочарование. Досада. Облом.

Но тут мне стало стыдно перед районом, в котором живут тысячи людей, а многие наверняка любят его – то есть на самом деле любят себя и своих близких, живущих здесь.

Да, может, причал и не очень пригляден, но откуда ты знаешь, что там дальше? Легко судить по верхам, ты потрудишься, любая любовь требует труда, пройди хотя бы по улице, присмотришься, почувствуешь.

И я пошел.

Я шел, и асфальтовая дорожка с газонами и кустами по бокам, казалось вполне ничего себе. Если смотреть только вперед и перед собой.

Но по сторонам все те же многоэтажные дома, дома и опять дома.

Я прошел не меньше километра и, хотя впереди угадывался еще долгий путь, возникло ощущение тупика.

Отдельно стоящий дом словно ударил меня по глазам, по мозгу.

Фото 3

Он был огромен и чужд, он был мертв, как обелиск.

И небо над ним было пустым и блеклым.

Хочу домой.

Но дома нет.

Нет дома, нет жены и сына.

Нет мамы.

Нет родины.

Я завидую тем, у кого есть место рождения, детства и юности, откуда все началось и куда можно вернуться. И даже не возвращаясь – чувствовать эту нить, заглядывать памятью и знать: ты всегда будешь это любить, и тебя здесь будут любить. Идти по улицам, если в городе, по тропинкам, если в селе. Вот тут был дом, а теперь его нет, тут, наоборот, возник новый дом, тут был магазин – и сейчас магазин, вот он, родимый, даже вывеска не изменилась, надо же! Сравнивать свое прежнее со своим настоящим, грустить и радоваться.

Главное слово – свое.

А вот почувствовать своим все огромное российское пространство, сколько ни пытался, не получается. То есть умом, да, понимаешь, а душой нет. Я могу представить, что, например, Байкал это красиво, величественно и что это тоже мое, но я его в глаза не видел, зато хорошо

помню немецкое озеро Ванзее на окраине Берлина. Получил грант за лучшую студенческую работу, три месяца лекций и практических занятий, жил в благоустроенном общежитии, в каждом номере туалет и душ, общался с молодежью из разных стран, ездил на велосипеде к озеру мимо богатых пригородных вилл, там плавал и лежал на аккуратной немецкой травке, немного влюбился в женщину лет тридцати, очень стройную, которая приезжала на маленьком автомобиле через день ровно в четыре часа дня, загорала на уходящем солнце с обнаженной красивой грудью и ровно в шесть вечера уезжала. Скорее всего, она была немка, хотя я не слышал от нее ни слова. Окружающие молодые мужчины не подсаживались, не пытались снять одинокую красавицу, у них это не принято. Я бы попробовал, если бы знал язык. Хотя нет, вру, не попробовал бы. Не из таких я, к сожалению, кто умеет снимать на пляже, на улице и вообще – нигде.

Но я не об этом, я о том, что это самое Ванзее осталось немного моим, хотя оно немецкое, а Байкал абсолютно чужой, хоть он русский, вот какие странности.

Родины в прямом смысле слова у меня нет потому, что через три месяца после моего рождения мама с папой, лейтенантом, недавним выпускником Кемеровского высшего военного училища связи (его теперь тоже нет, расформировано), увезли меня из «точки», где он служил, в маленький южно-уральский городок, а оттуда в Казахстан, из Казахстана в Смоленск, из Смоленска в белорусский город Щучин, там отца застал распад Советского Союза, реформирование армии, у него был выбор – ехать неведомо куда в новообразованную Россию или остаться здесь и принять для себя и семьи белорусское гражданство. Он выбрал второй вариант, да и маме нравилось в Щучине, она была там заместителем главврача больницы. Потом отца, к тому времени майора, перевели в Гродно, где я закончил школу. И поехал поступать в Минск, поступил, учился, но после второго курса сорвался в Москву. Сдал экзамены в Бауманку, куда принимали с неоконченным высшим и даже высшим, не знаю, как сейчас. Потом умерла мама, отец остался один, вышел в отставку... Но это уже отдельная история. Важно то, что нигде я не успевал вписаться, освоиться, ничто не успел почувствовать родиной.

Мне всегда было интересно посмотреть на то место, где я появился на свет. И восемь лет назад выбрался – это край Пензенской области, место глухое, я был без машины, поэтому пришлось добираться автобусом, а потом идти пешком, но не долго. Военстанция, как называли ее местные старухи, базировалась в поле за околицей, три или четыре вагончика, обнесенные забором.

Я пошел туда, куда они указывали, и не увидел ни вагончиков, ни забора. Вообще ничего. Пустое поле с кротовыми холмиками. Даже следов не осталось. Несколько снимков я тогда сделал, вот один из них (фото 4).

Я вернулся в село, поспрашивал, помнит ли кто военных, которые здесь находились. Никто ничего толком не сказал. Одна старуха радостно закивала: «А как же, помню, хорошие были люди, помню, солдаты, да, а как же! Раньше тут всё было, а теперь ничего нету!»

Фото 4

Я видел, что она тоже не помнит, но хочет помнить и заодно сказать приятное незнакомому вежливому молодому человеку.

Нет этой точки.

Но село пока осталось, а ведь именно оно значится местом моего рождения. Вот въезд в него.

Фото 5

Вот улочка, где я встретил памятную старушку (фото 6).

В конце улицы видна машина «Волга», на ней, как мне объяснила старушка, приехали к кому-то родственники «с городу».

Фото 6

А вот ее двор, куда я зашел, попросив у доброй бабушки попить:

Фото 7

Она дала мне большую кружку холодной колодезной воды и рассказала, что село когда-то было большое, богатое, а раньше еще больше и богаче – когда тут, по ее словам, «крепостная барыня жила».

– От нее и дом остался, в нем школа была, потом новую построили. А дом был хорошей, его и хоть сейчас в порядок привести можно, только кому надо? Тебе не надо?

– У меня столько денег нет.

– Это фактор! – неожиданно выразилась старуха.

Впрочем, почему неожиданно? Ей лет семьдесят пять, в советское время она была молодой, грамоту наверняка знает, радио и телевизор работали, про всякие факторы она не раз слышала.

Я захотел глянуть на бывший господский дом, она проводила.

Дом был брошен, но стенами еще крепок. Действительно, иметь бы деньги и желание, вполне можно восстановить.

Фото 8

Но я зашел внутрь и понял, что денег и желания должно быть очень много (фото 9).

Да и зачем такой дом в пустеющем, умирающем селе, вдали от нормальных дорог, включая железную? Ни охоты здесь, ни рыбалки, ни особых красот природы – лесостепная скудная местность. Об этом я сказал вслух – другими словами, помягче. Старуха возразила:

– Охота не знаю, а рыбалки почему нет, рыбалка есть, тут речка недалеко, я не пойду, ноги слабые, а ты сходи.

Фото 9

Я сходил и за полем, за пригорком и рощицей обнаружил, действительно, речку. Тихую, заросшую кустарником и редкими деревьями, красивую, тут можно хорошо посидеть и задуматься (фото 10), если, конечно, убрать за собой следы пребывания тех, кто уже тут сидел и задумывался в хорошей, судя по всему, компании (фото 11).

Я не хочу, чтобы у сына было так же – то есть некуда вернуться, нет места с воспоминаниями детства и юности, нет тяги туда, нет связи, нити, что тут еще говорить, и так понятно.

Я возвращался к метро, но подумал, что нечестно будет отделаться прогулкой вдоль шоссе, есть тут и дворы, и закоулки, надо бы свернуть и посмотреть, что там.

Придумать себе обязанность и тут же стать ее должником, это я умею.

И свернул, и пошел в глубь микрорайона.

Ничего, жить можно. Даже уютно, пожалуй. Здесь время идет иначе и даже погода другая: у шоссе давно уже сухо после утреннего дождя, а здесь хранится влага, ласково поблескивают лужицы, все свежо, тенисто и сквозь тень солнечно (фото 12).

Фото 10

Фото 11

Я шел и шел, везде были одинаковые дворы, обросшие деревьями и заставленные машинами. Если и попадалось что-то приметное, то характера скорее юмористического – например, пентхаус на вершине безобразного дома (фото 13).

Хотя, возможно, это так называемый технический этаж.

Я вспомнил об одной из своих фантазий: в доме, который когда-нибудь построю, обязательно будет комната со стеклянным потолком. И когда стемнеет, мы будем лежать с Митей на диване, глазеть в небо – можно без всякой оптики, простыми глазами, и я буду говорить ему:

– Это Большая Медведица. А это...

Кроме Медведицы я и сам ничего не помню.

Но не в названиях дело. Можно созерцать и рассуждать, есть ли там жизнь, а если есть, какая она, как выглядят разумные существа.

– У них, может, не руки, а щупальца, – скажет Митя.

– Не исключено.

– И едят не ротом, а ухом, – развеселится Митя.

– Или попой, – скажу я.

– Точно! – он хохочет и катается по дивану.

– А есть, я читал, – говорю я зловещим голосом, – такие длинные земляные черви, они вообще ничем не едят. У них даже желудка нет. Они просто впитывают в себя то, что вокруг.

Вера входит, слышит и говорит:

– Какая гадость!

– Нормально, мам! – кричит Митя. – Мы тоже так будем! Лежать и впитывать.

– Вы этим и так занимаетесь, – говорит Вера.

И ложится вместе с нами, посередине, обнимает нас, и мы вместе смотрим на звезды.

Я шел и шел, неизвестно на что надеясь, и вдруг увидел впереди дом, который чем-то отличался от других. Что-то в нем было странноватое. Я приблизился и увидел, в чем странноватость: стены уступами и треугольные балконы (фото 14).

Фото 12

Фото 13

Наверно, когда проектировали и строили здесь типовые дома, какому-нибудь молодому архитектору надоело штамповать чертежи, и он предложил: а что, если так? А его начальник, который тоже ведь человек и тоже устал от однотипности, почесал в затылке и сказал: «Вряд ли пройдет, но попробуем. Мало ли». И показал руководству. А у руководства тоже был момент кризиса ценностей. Так и дошло до самого верха, где, возможно, как раз состоялось совещание, на котором некто самый главный призывал к свежему взгляду на архитектуру, сам не веря в то, что говорит.

И – дали жизнь идее, спроектировали и построили дом. В ход пошли стандартные железобетонные плиты, только поставленные под углом.

Фото 14

И всем нравилось, но потом въехали жильцы и, хотя дети наверняка были счастливы жить в веселых косых стенах, угрюмые взрослые оказались недовольны: мебель нормально поставить нельзя, окна кажутся кривыми, балкон дурацкий, и вообще – посмотришь на стену, и в голове делается муторно, особенно утром после выходных. Начали писать жалобы: за что обидели, почему мы должны жить не как люди?

Как-то, наверно, их успокоили, а экспериментировать перестали – в округе больше ни одного такого дома нет.

За ним пошли опять типовые, одинаковые.

Я соскучился и свернул, чтобы выйти на какую-то улицу. Было до того уныло, что даже хотелось увидеть что-то окончательно унылое – для полноты впечатления.

Чего ждешь, то и будет.

Я увидел.

Фото 15

Как говорится – без комментариев. Что форма, что цвет – полная гармония.

Впереди виднелась улица. Вернусь по ней к метро.

И вдруг, надо же, – лес!

Я не смотрел на карту, не пользовался навигатором, поэтому лес вынырнул неожиданно, удивительно и подарочно.

Велосипедист ехал к лесу, пересекая дорогу, я почти бегом побежал за ним (фото 16).

Лес. Значит – воздух, птицы, деревья, тропинки, лужайки. Значит, можно в этом районе жить, гулять здесь по выходным, называя для сына имена растений.

Фото 16

Фото 17

Вот она, настоящая лесная тропинка с замечательно стоящим посередке деревом – значит, тропинку не придумали, не спланировали, а она сама натопталась, нашагалась людьми (фото 17).

А вот настоящий овраг (фото 18).

Пусть небольшой, неважно, все равно туда можно сбежать, и ребенок не удержится, и сбежит, а отец крикнет со смехом: «Осторожно!», и сам побежит туда, и они пойдут по дну оврага, шурша листвой.

- А змеи тут есть? – спросит сын.
- Конечно. Огромные, с двумя головами.
- С двумя разве бывают?
- Орлов тоже не бывает, а на гербе Российской Федерации орел – с двумя.
- Российская Федерация – наша страна?
- Да.
- А Россия?
- Тоже. Два названия.
- Но мы-то где?
- Названия два, а страна одна.
- Ясно.

Фото 18

Митя не любит признаваться, что чего-то не понимает. Задает вопросы, но в какой-то момент останавливается и говорит: «Ясно». Чтобы не показаться глупым.

Черт побери, почему бы не назначить родиной эти места? Снять квартиру поближе к лесу, то есть это не лес, скорее всего, а какой-то парк, но неважно.

Я хотел было пойти дальше по тропинке, но вдруг остановился. Повернулся и вышел из деревьев.

Зачем я себя обманываю и уговариваю?

Не первый раз это уже в моей жизни.

Вот, например, была девушка Света. Которая меня выбрала.

Самое правильное слово.

«Понравился», «влюбилась», «полюбила», «захотела» – это все не то, это слова приблизительные. Самое точное – выбрала. Любовь и хотение при этом не исключаются, но как составная часть.

Я люблю, когда меня любят. Я всегда для этого старался, но не всегда меня любили в ответ. Многих учителей я раздражал, хотя был отличником. Может, этим и раздражал: начитавшись книг, знал иногда по теме урока больше, чем учителя, вернее, учительницы. По большей части это были простодушные тетеньки, которые удивленно спрашивали: «Ты откуда это взял?» Мне бы, дурачку, меньше хвастаться, но я не мог удержаться, начинал рассказывать, откуда взял, и что еще могу сообщить. «В другой раз», – с хмурой улыбкой говорили мне тетеньки, класс посмеивался, но вместо того, чтобы отблагодарить меня за опозоренных учительниц всеобщей дружбой, наоборот, чуждались и хоть не травили, как бывает с новичками, я бы этого не позволил, но и в свои компании не принимали. Набивались в друзья школьные изгои, но с ними я сам не хотел дружить, чтобы не показаться на них похожим.

Мама и отец воспринимали мои успехи как должное. Мама изредка говорила: «Молодец!» – как хвалят малышей за то, что почистили зубы, а отец, просмотрев дневник с одними пятерками, закрывал его, небрежно бросал на стол, оглядывал меня и пощелкивал с досадой языком: «Это все хорошо, воин, а когда собой займешься?» Он хотел, чтобы я был спортсменом и, возможно, действительно воином, то есть пошел по его стопам, а я был всегда немного полноватым, хоть и не рыхлым, не слабым, мог и могу, если доведут, и сдачи дать, и скрутить так, что человек в моих руках пощады запросит, мне моя комплектация, как выражалась одна из одноклассниц, не мешала и не мешает, я пробовал сидеть на диетах, сгонять вес в тренажер-

ных залах, но понял, что с природой не поспоришь – два года назад, когда сбросил аж двенадцать килограммов и спросил Веру, как выгляжу (сама не догадывалась сказать), она, окинув взглядом с головы до ног, улыбнулась: «Как похудевший толстяк. Не знаю, как это получается, но раньше ты казался стройнее». – «Потому, что каждый должен жить в своем образе!» – сказал я и вскоре вернулся к этому самому образу. При этом живот у меня не бугрится, щеки не лоснятся, я просто большой, вот и все.

Отец считал, что при таких данных я обязан быть борцом-тяжеловесом или еще кем-то в этом роде, а я не любил даже обычных уроков физкультуры. На велосипеде кататься по городу и окрестностям – это да, это нравилось. И по стопам отца идти не собирался. Он своего огорчения не скрывал. У отца вообще не было привычки прятать плохое настроение, которое у него часто бывало – из-за служебных неурядиц, из-за плохо прибранной квартиры, не вовремя поданного ужина, из-за того, что мама обиженно молчала, когда он приходил со спиртным запахом.

– Сидит и молчит! – ворчал он. – Хочется ругаться – ругайся, не молчи!

– Когда ругаюсь, тебе еще меньше нравится.

– А было бы из-за чего! Другие на рогах домой приползают, я хоть раз напивался?

– Нет.

– Вот именно! Я знаю дозу! И меня все за это уважают! Кроме тебя! Я дома нормально не могу выпить! Другие пьют по-свински, в семье хулиганят, я хоть раз что-нибудь в этом духе сделал?

– Нет. Можешь выпивать дома.

– Выпьешь, когда на тебя смотрят, как на врага! Тебя аж всю переворачивает!

– Я должна в ладоши хлопать? Не люблю, когда пьют, не люблю запаха. Могу уйти, погулять, а ты пей.

– Чтобы сын думал, что я тебя из дома выгнал?

– Он все слышит, ты потише бы.

– А что я такого говорю? Что я такого сделал вообще? Ты меня за алкоголика держишь, вот это он слышит! И видит! Он видит, что ты меня за человека не считаешь! Это хорошее воспитание, правильное! Пусть знает, что мать ангел у него, а отец говно!

– Что ты несешь?

– Несешь! Выбирай выражения! Грузчик ящики несет, а я нормально беседую! А я если вам, мадам, по-человечески общаться со мной противно, ищите, где лучше, я не против!

В общем, ответной любви мне всегда не хватало. Если бы были дедушки и бабушки, они, наверное, любили бы, причем не ответно, а напрямую, просто так и ни за что, но их нет: отец детдомовский, никогда не рассказывавший, почему так получилось, а у мамы была только мама, рано умершая от той же болезни, что потом и мою маму схватила и уволокла, не дав никому опомниться, очень уж быстро все произошло, меньше, чем за год.

Поэтому я всегда легко отзывался, если кто-то обращал на меня внимание. Так и вышло с девушкой Светой. Я учился с ней в Минске на одном курсе. Мне нравились другие девушки, но Свете понравился я, и как-то так случилось, что у нас с ней все получилось. Правильней сказать, у нее со мной получилось. Я легко угадывал, чего ей хочется, я это вообще всегда легко угадываю, а она считала, что у нас взаимная любовь. И надо было бы все прояснить, но я никак не мог на это решиться.

– Сказал бы прямо: извини, не люблю, что мешало? – спросит меня Митя, когда вырастет и когда я расскажу ему эту историю. В назидание вроде того.

– Она предупредила, что терпеть не может, когда кто-то говорит о любви. И было такое время – люди часто сходились, жили вместе, даже заводили детей, а о любви не говорили.

– И сейчас не говорят. Если что-то есть, и так понятно, если нет, зачем говорить?

– Точно, Митя. Но она сначала ничего не требовала, поэтому и...

– Секс был?

– Да. Но встречаться было сложно, я в общежитии, она с родителями жила. Сняли комнату. А потом я понял, что она хочет от меня ребенка и хочет за меня замуж.

– Говорила?

– Нет. Я догадался.

– Надо было сразу уйти.

– Я знаю, Митя. Но я уже привык к ней. Я не хотел ее обидеть. Я знал, что она меня любит.

– Это ее проблемы.

– Наверно. Несколько раз я готовился. Вот сейчас скажу, вот сейчас. А сам думаю: но она же мне нравится. Стройная. Не красавица, но милая такая. Симпатичная. А если я вообще никого не встречу больше? Теоретически может оказаться, что мне попалась самая подходящая девушка из всех возможных. Сразу.

– Так не бывает, – хмыкнет Митя.

– Всякое бывает. В общем, я начинал придумывать, за что бы ее полюбить. То есть как вот сейчас, я иду и придумываю, за что можно полюбить Алтуфьево. Другие же его за что-то любят. Я накручивал себя. Я становился все ласковей, все нежнее. А она, ты знаешь, оказалась прирожденная хозяйка. Она так здорово все устроила в нашей комнатке. В таком икейско-японском стиле, он тогда входил в моду. Ничего особенного, но очень все к месту – соломки, ширмочки, абажуры плетеные на лампах, коврик джутовый на полу, низкие кресла такие, удобные... Мне нравилось возвращаться туда после учебы и работы, я же подрабатывал тогда. Вроде бы комната в чужом доме, а вроде бы уже и свой дом... Понимаешь, человеку хочется любви, хочется быть радостным и другого кого-то радовать. Вот, например, я иду, смотрю – бабушка цветы продает. Садовые цветы, красивые, недорого. Из своего сада. И такое сразу движение души, что ли, – купить букет. Покупаю. Несу, улыбаюсь. Представляю, как сейчас обрадуется. И она радуется, целует меня, цветочки в вазу ставит, потом на них лобзуется, ты счастлив. Но любви нет. Есть любовь к моменту, к радости дарить цветы, любовь к ее радости, но в целом все-таки что-то не то.

– Ты маме тоже часто цветы дарил.

– Это другое. Это двойная радость – и цветы, и по любви.

– Лучше, как я понял, не дарить, не морочить голову, – скажет Митя, думая о чем-то своем.

– Наверное. Честнее. Но если хочется?

– И чем все кончилось?

– Надоело слушать?

– А что-то еще было в промежутке?

– Ты прав. Ничего особенного не было, так все и тянулось. А однажды пришла в гости ее мама. Принесла пирог. Светы не было. И она говорит: Дмитрий, вы так и будете жить или все-таки, как нормальные, поженитесь? Я говорю: мы это не обсуждали. А она говорит: это она с тобой не обсуждает, зато она со мной все время обсуждает, вроде того, не могу понять, чего он от меня хочет. Дмитрий, говорит, ты, я вижу, губа не дура. Пользуешься ее молодостью во всех смыслах. Если ты перспективу с ней создавать не намерен, тогда, говорит, Дмитрий, при всем уважении, сделай отсюда до свидания, я не хочу, чтобы моя дочь попусту время потеряла, а в тридцать лет потом заново жениха искала себе. Она семью хочет. Вот такая речь у нее была. Я сказал: вы правы, надо делать выбор. И ушел.

– И правильно.

– Да, но как-то подловато получилось. Я воспользовался ситуацией.

– А как еще? Если эта Света сама не хотела видеть, что ты ее не любишь, то сама и виновата.

– А может, действительно не видела?

– Мы всегда все видим, – скажет мой мудрый сын. – Или видим, или догадываемся.

– Я вот не видел, что с твоей мамой происходит.

– Извини, тоже, наверно, видел. Просто... Ну, как бы не замечал. Я тебя перебил, – скажет сын торопливо и деликатно. – Значит, на этом все и кончилось?

– Не сразу. Она потом... Ох. Плакала, сказала, что мама идиотка и неправильно ее поняла, вовсе она ей не говорила, что замуж за меня хочет, а говорила только в принципе, что можно бы, но не обязательно, на самом деле ей и так хорошо, не собирается она замуж, у нас все отлично, с какой стати расставаться? Ну, и я вернулся. Она мне еще раз все повторила: ничего от меня не хочет, ее все устраивает, давай дальше жить, как жили. И мы как бы помирились. Чувствую – опять меня затягивает. Все, хватит, надо серьезно поговорить. Объясняю ей: Света, ты лучше всех, а я урод, я тебя обманывал, ты мне нравишься, но я тебя не настолько люблю, чтобы... Ну, все в этом духе. А она мне: какая разница, настолько, не настолько, нам вместе хорошо? Я говорю: хорошо. Все, больше ничего не требуется. Я говорю: слушай, если совсем честно, я тебя, похоже, совсем не люблю. Она говорит: не надо врать, если бы не любил, не жил бы столько со мной.

– Логично.

– То-то и оно. Иду до конца, объясняю, что жил без любви, просто меня все устраивало. Мама твоя, говорю, права, пользовался тобой. Вот и все.

Митя посмеивается:

– А она говорит: ну и пользуйся дальше?

– Почти. Сказала: ты, говорит, сволочь, конечно, но что делать, если вы все такие? Ты надеялся, я все вытерплю? Нет, пошел к черту. Только не сейчас, давай я привыкну к этой мысли, а пока недельку еще вместе побудем. Вроде того, попрощаемся. Ладно, я согласился. Неделька, другая, третья. Она так себя ведет, будто ничего не было. А я ей опять цветочки тащу и вообще. Даже еще ласковей стал. И однажды четко понял, что еще немного – и все. Я ее обманывал, а начну и себя обманывать. И сам себе поверю. И малодушно сбежал. В Москву. Поступил, учился, работал, сам себя обеспечивал.

– Ты рассказывал. Герой.

– Надоели папины байки?

– А она за тобой не поехала?

– Нет.

– Повезло. Другая бы догнала и вернула.

– Считаешь, что со мной так можно?

– А то нет?

Досадно.

Досадно, что мой сын думает так обо мне.

То есть может так подумать.

То есть я предполагаю, что он может так подумать.

Значит, я заранее сдался?

Нет.

Вера поймет, что совершила ошибку. Надо с ней просто нормально поговорить. Мы же нормально так и не поговорили.

Надо встретиться и поговорить.

«Бибирево»

Я спускался на эскалаторе и пытался начать мысленный разговор с Верой.

– Послушай, – скажу я ей.

...

Но для этого нужно встретиться. По телефону она говорить не хочет, на письма и сообщения не отвечает или отвечает фразой, которая могла бы стать sms-шаблоном: «Это отдельный разговор». Я пробовал, когда приходил гулять с Митей, она обрывала:

– Не при ребенке.

– Путь в своем комнате побудет.

– Ты по нему не соскучился? Не хочешь его видеть?

– Нам нужно десять минут.

– В десять минут ты не уложишься.

– Хорошо пойдем гулять в месте. Он будет на площадке, а мы поговорим.

– А кто будет за ним следить? Или ты с ним так и гуляешь? Он на площадке, ты на телефоне?

– На самом деле можно и при нем. В обтекаемой форме.

– Он уже все понимает.

Не поспоришь.

Неважно. Все равно рано или поздно я найду возможность остаться с ней наедине.

И скажу:

– Послушай...

А она тут же:

– Я знаю все, что ты собираешься сказать. Не надо мучить меня и себя. Все решено, Митя.

Или скажет:

– Все решено, Дмитрий.

Если скажет «Митя», то, на самом деле, ничего не решено.

Если скажет «Дмитрий» —

– ну и что?

Она может так сказать нарочно. Для официальности как бы. Значит, все равно ничего не решено. Так что неважно, как она меня назовет.

Я скажу:

– Я не хочу никого мучить. Я просто хочу понять.

Нет, не пойдет.

«Хочу понять» – слабая позиция. Мой отдел как раз занимается такими вещами, я хорошо это знаю и объясняю сотрудникам: текст не должен начинаться с пожеланий вроде «хочу», «надеюсь» и даже с таких как «я уверен» или «мы уверены». Если человек сам по себе или от имени фирмы пишет: «Мы уверены», – это воспринимается как то, что в действительности никто ни в чем не уверен. Политики, да, они могут себе позволить, это обычная формулировка. Не слабость, а игра, расчет. Политик не делает ни одного шага вперед, не подготовив себе шаг назад. «Мы надеемся», «мы считаем», «мы убеждены», «мы полагаем» – это и есть такая подготовка. Потом всегда можно сказать: мы считали, мы полагали, мы даже были уверены, но нас подвели, обманули, ввели в заблуждение и т. п. Когда-то в древности бесхитростно объявляли: «Иду на вы». Сейчас говорят: «Мы надеемся на урегулирование в юридическом поле», «мы убеждены, что нет неразрешимых противоречий», а в это время дула танков расчехляются, ракеты из шахт высовываются, вентили газовых и нефтяных труб завинчиваются или отвинчиваются – в зависимости от необходимости. И поход на вы идет всю под сладкие речи о том, что никакого похода не предвидится.

Но то политика. Там, где продают и покупают, то есть в областях, в которых человечество большую часть времени и крутится (хотя политика тоже сфера торговли), нельзя никаких «мы хотим, полагаем, считаем, уверены». Нельзя ни в рекламе, ни в маркетинговой аннотации говорить и писать: «Мы считаем, что наш кетчуп лучший в мире». Или: «Мы хотим доставить вам максимальное удобство». Лучший. Доставим. Без оговорок.

Человеческих отношений это тоже касается.

Поэтому я скажу:

– Вера, я все понимаю.

– Если понимаешь, о чем тогда разговор? – тут же ответит Вера.

Черт, тупик, засада!

Я не заметил, как спустился на станцию, как оказался в вагоне.

Хотел продолжить думать, но помешал пожилой мужчина в синей спортивной куртке. Тот самый, с которым я ехал сюда. Я его сразу узнал. И он опять сидел напротив, такое вот совпадение. Оно меня почему-то обрадовало. Если может произойти это (степень вероятности, между прочим, очень небольшая), значит, возможно и другое. В ногах у мужчины стоял пакет, а в пакете что-то было, за чем он ездил. Купил или взял у родственников или у знакомых. И вот едет назад, выполнив житейский долг. Но на лице нет ни счастья, ни удовлетворения. Ничего. Глянул вскользь на меня. Взгляд задержался на долю секунды: он меня узнал. И, кроме узнавания, в глазах ничего не отразилось.

Я стал смотреть на других людей. Зачем-то мне это было надо. Но я понимал, что не запомню их. А хотелось почему-то запомнить. Решил записать. Достал телефон и начал настукивать одним пальцем без точек и запятых. Палец ошибался, но я не исправлял – можно и потом.

Теперь, когда прошло время, я нашел эту запись. Довольно странно выглядит:

отец с бородой лесного вида и
рюкзак зеленая и черная
одежда с ним сын очень похож
на отца выгдит как будций
соладт что то призывное и
гтовое к службе слушает отца
с интересом как чужого
человека даже завидно у отца
георгиевскач ленточчка когда
надо он покажет кому надо
девушка в светло голубых
джинсах с дыоами на коленях
одинокый кавказец с
мчтательным взглядом
женщина очнь полная с
крошечными ножками в
остроносах туфельказ
девушка совсеи молодая с
кем то улыбаетсч по телеону

Такая вот запись.

Зачем она была мне нужна?

Не знаю.

Мне нужно было обдумать, как я буду говорить с Верой.

– Вера, – скажу я, – давай не будем пока разводиться. Мало ли что.

Она скажет:

– Хорошо, я не тороплюсь. Но оттягивать тоже нельзя.

Или скажет:

– Не вижу причин, чтобы тянуть.

Или скажет:

– Я вообще-то пока об этом даже не думала.

Представляя этот разговор, я вышел и машинально снял станцию (фото 19).

И пошел к эскалатору.

Поднялся, вышел из станции и снимал там, наверху, продолжая мысленный диалог.

– Ты не думай, я бы вообще уехал, исчез из твоей жизни навсегда, но Мите нужен отец. Настоящий, а не приемный. Он привык к тому, что я его отец. Он меня любит.

– Да, – скажет она. – Но он вырастет. Постепенно Максим станет ему родным и близким. Будет как бы два отца. Что в этом такого?

– Двух отцов не бывает.

– Отстал от жизни. Бывает – и даже при отсутствии матерей.

– Не в нашей стране.

– И в нашей, только нелегально.

– Слушай, я знаю про твою политкорректность, но мы сейчас не об этом.

– У меня политкорректность? Это ты все принимаешь и оправдываешь, а я как раз не собираюсь. Это дичь.

– Что?

– Когда два отца и у них дети.

– Ты только что говорила, что два отца – хорошо.

– Когда есть мать. Ты чем слушал?

– Ладно. Давай конкретно. Сейчас Митя ходит в сад, а еще с ним сидит тетя Маша. А я собираюсь взять отпуск месяца на три-четыре. За свой счет. И пожить с Митей. Почему он должен жить у тебя?

– А с тобой где?

– Я сниму квартиру, – ответил я, фотографируя дома, в которых уж точно не буду снимать квартиру. Но зачем-то все же фотографировал (фото 20).

Фото 19

Фото 20

- С кем он там будет, когда ты на работе?
- Я возьму отпуск, я же сказал. Кто кого не слушает?
- Ты хочешь бросить работу?
- Отпуск.
- На три-четыре месяца – это не отпуск.
- Тебя заботит, что я могу остаться без работы?
- Это твое дело, если ты один. Без сына. А сын у безработного отца – ты серьезно?
- При чем тут работа? У меня есть деньги. Я год вообще могу не работать.
- И что будешь делать?
- Воспитывать сына.
- Этого я и боюсь.
- Чего ты боишься?

Тут она посмотрит на часы и скажет:

- Мне пора.
- Чего ты боишься? Ты не хочешь, чтобы я на него влиял? Это интересно. Что же такого во мне плохого, если ты...

- Все в тебе хорошо, извини, мне пора.
- Мы ничего не решили.
- Мы все решили. Ты просил пока ничего не делать. Не разводиться. Я согласилась, чего тебе еще?

- Я про сына.
 - Вот.
 - Что?
 - Ты всегда стараешься сделать сразу десять дел. И ни одного не получается в результате.
 - Это неправда. Что у меня не получилось?
 - Хорошо, все получается.
 - Это для меня самый важный вопрос.
 - Я говорю: все получается, успокойся.
 - Не про это вопрос. Про сына.
 - В чем вопрос? Мало видишься? Приходи чаще, ладно.
 - Почему он не может пожить со мной?
 - Где? На съемной квартире?
 - Съемная квартира ничем не хуже.
 - Ты серьезно? И она у тебя уже есть?
 - Нет, но...
 - Тогда о чем мы говорим вообще?
 - Я как раз этим занимаюсь. Ищу квартиру.
 - Когда что-то будет конкретное, тогда и поговорим. А сейчас мы о чем говорим вообще?
- Она легко сбивает с толку.

Нет.

Я не позволю сбить себя с толку.

– Вера, сейчас лето, а он в городе...

– Мы собираемся на отдых. Максим предлагает в Швейцарии какое-то место хорошее, он там был не раз, летом там прекрасно.

– У моего отца лучше, чем в Швейцарии. Он дом строит в лесу. Давай я съезжу с Митей к нему...

– Определись, ты чего хочешь, искать квартиру или везти Митю черт знает куда? Там болота, комары, глушь. И другая страна вообще.

– Вера, ты была в этом месте полчаса. И мы туда будем ездить отдыхать, а жить в городе.

– Тогда какой смысл? Из города в город?

– Гродно – не Москва. Там и в самом городе отличные пляжи есть, Неман очень чистая река.

– Дмитрий, я повешусь сейчас. Я с тобой через минуту никогда не понимаю, о чем уже говорю. То дом в лесу, то река в городе. Ты не делай такие глаза, ты сам подумай, куда тебя заносит? Мы говорим о нашей жизни, так? И вдруг какая-то река в городе, что у тебя с головой, ты переключаешься просто дико, у меня все спуталось.

И она поднимется и уйдет.

Нет.

Нет, не то, не так. О сыне надо, но потом. Самый важный вопрос не в этом. Самый важный вопрос надо задать прямо и четко:

– Скажи, что я могу сделать, чтобы все вернулось?

– Что именно? – переспросит она. Она всегда переспрашивает. И уточняет. Она всегда уточняет. Это ее работа.

Она начинала в call-центре, отвечала на звонки клиентов банка, когда еще училась на финансиста, это наследственное, папа у нее юрист при фирме, занимается договорами, то есть деньгами, мама аудитор, дочка могла бы и не работать, но она хотела иметь свои карманные деньги, родители это одобряли. Банк солидный, клиенты тоже солидные и требовательные, но при этом часто бестолковые. Вера быстро научилась терпеливо с ними общаться, ее взяли на постоянную работу еще до окончания вуза, причем без помощи отца, чем вся семья очень гордилась. В банке вообще долго не знали, чья она дочь, учитывая, что Семеновых, а она Семенова, в России полным-полно.

Теперь она работает в vip-отделе все того же банка, быстро растет, и там ей тоже приходится спрашивать и уточнять.

– Как правило, никто толком не знает, чего хочет, – рассказывала она мне как-то. – Или знает очень приблизительно. И я подсказываю. Ну, ты тонкостей не понимаешь, как бы тебе попроще... Если с рынком сравнить, ты, допустим, продаешь фрукты-овощи, и вот подходит покупатель и говорит: хочу фруктов.

– Обычно знают, чего хотят.

– Я для наглядности! Сроду не даешь нормально рассказать. Хочу фруктов. Каких? Допустим, он скажет, яблок. О'кей, вам яблок которые получше, но чуть подороже, или дешевле, но похуже?

– Дешевый прием. Расчет на психологию потребителя, который всегда завышенного мнения о своем статусе. Естественно, он хочет лучше, но дороже.

– Ну вот, тебе и рассказывать не надо, сам все понимаешь.

– Обиделась?

– У меня тупая работа, я впариваю клиентам то, что им не требуется.

– Я этого не сказал.

– Подразумеваешь. Тебе вообще неинтересно, что я делаю. А у нас, между прочим, живые люди, и я не просто впариваю, а хочу, чтобы возник взаимный интерес клиента и банка. Если я ему впарю задорого гнилые яблоки, он больше не придет, а мои клиенты ко мне возвращаются.

– Хотел бы я посмотреть, кто бы к тебе не вернулся...

– Перестань! Дело не в симпатичном личике, меня это даже оскорбляет! Чтобы ты знал, большинство людей приходят в банк первый раз на разведку. Им объясняют, тратят время, дают пакеты документов, они уходят – и все. И их нет. Никто не любит читать документы. Надо объяснить на месте, тут же, доходчиво. В идеале не отпустить. А если уйдет, чтобы вернулся. У меня процент повторников самый высокий в банке вообще.

– Повторники? Так вы их называете?

– Тебе все равно не интересно.

Снимая вот это стойбище автомобилей и дом за ними (фото 21), я впал в легкий ступор: не мог вспомнить, с чего начался воображаемый разговор с Верой и откуда взялись какие-то повторники.

Так.

Она с ними работает. Спрашивает, уточняет.

Да, уточняет, с этого места.

Она уточнит, что я имею в виду. Как у невразумительного клиента.

Фото 21

Я спрошу, что надо сделать, чтобы все вернулось, а она уточнит: что?

– Ты сама понимаешь. Наша жизнь.

– Даже если мы остались бы вместе, это была бы другая жизнь. Вернуть ничего нельзя.

– Наши отношения.

– Отношения тоже меняются.

– Вер, ты прости, но иногда хочется выругаться.

– На здоровье.

– Максим ругается?

– Почему ты спросил?

– Просто интересно. Ругается? Брутальный такой, да?

– Мы об этом говорить будем?

– Я просто не понимаю, откуда что взялось? Я работал, ты работала, мы жили вместе, мы вместе отдыхали, все было общее, всё на виду, откуда взялся этот Максим? Вип-клиент? Как ты с ним познакомилась? Почему ничего о нем не рассказываешь?

– Зачем?

– Он собирается жениться на моей жене, было бы странно, если...

– Насчет жениться никто не говорит. Жить вместе – да. Мы этого хотим.

– Вер, а как это бывает? Вошел, ты посмотрела – и все? Как у нас с тобой было?

– У нас было не так.

– У меня было так. Я вошел, увидел – и все. Но ты потом тоже.

– Что?

– Влюбилась.

– Да, влюбилась, поженились, родился сын, – торопливо перечислит Вера. – Ты хочешь мне рассказать то, что я и так знаю?

– Нет.

– А о чем мы говорим? Знаешь, иногда мне кажется, что ты притворяешься глупее, чем есть.

– Это правда. Я не притворяюсь, пытаюсь оказаться на одном уровне.

Ну нет, до такой мелочности я не дойду.

И вообще, выгляжу в этом воображаемом разговоре каким-то жалким доставалой, ноющим отстойным лузером.

Почему?

Обычно человек, когда фантазирует и видит себя участником каких-то событий или какого-то разговора, представляет себя лучше, чем есть, героем, победителем, умником.

А у меня что получилось?

Но и Вера видится нарочно сердитой, даже злой – и не понимающей.

Странно.

Готовность к худшему результату?

Или уже попытка ее разлюбить?

А себя сделать таким, каких именно и бросают?

Встретились бывшая жена с бывшим мужем и раздраженно кудахчут, как бы желая примириться, но подсознанием чуя, что примирения не будет, поэтому друг друга подначивают и злят, сами даже не понимая, почему и зачем. А затем, чтобы быстрее все оборвалось и кончилось.

Но я же этого не хочу!

Я скажу так:

– Вера...

Вера, Вера...

Я скажу:

И пронеслись в моей голове пулеметные стаи каких-то очень убедительных слов, я увидел свое лицо, вдохновенное, как у актера из драматического фильма, глаза сверкают в темноте, я увидел склоненную голову Веры, поникшую голову Веры, но увидел тут же и ее лицо, будто был не сверху, а снизу, лицо виноватое, сожалеющее, раскаивающееся, слезы текут по щекам. Я говорю, говорю, говорю, она пытается возражать, шепчет: нет, нет, нет, но потом поднимает голову и говорит: да, ты прав, я ошиблась, но я просто не привыкла ошибаться и, тем более, признаваться в своих ошибках, так воспитали родители, я ошиблась, я не могу жить без тебя, этот человек – случайность, увлечение, я бы позже это сама поняла, но ты мне все объяснил, как я могла променять, Митя, как я могла...

И она встает, нет, ложится, нет, мы стоим, обнимаемся, нет, лежим, да, конечно, и я дотрагиваюсь, как она любит...

Этот столб у ограды (фото 22) возник прямо в тот самый момент, когда я представлял любовное примирение с Верой – представлял настолько ярко, что организм откликнулся естественной реакцией, прямо в масть с этим столбом. Чистый Фрейд, как говорится. В том числе говорится и мной, хотя, перед собой-то врать незачем, я не читал ни одной строчки из Фрейда и знаю его теорию только по приблизительным пересказам, по цитатам из интернета.

Но столб возник в тот самый момент, пусть и без Фрейда.

Совпадение и многозначительное и, если подумать, смешное.

Я огляделся.

Вокруг никого, кто бы мог увидеть, что со мной происходит.

Пришлось подождать перед тем, как выйти на люди.

Это получилось не сразу.

Думать о другом.

Фото 22

То есть о ней, но не так.

Надо съесть что-нибудь, голова совсем не соображает: полчаса не могу придумать простой вещи – как позвонить Вере и что ей сказать.

То есть не позвонить, а встретиться.

А как встретиться, не позвонив?

Надо что-то съесть.

Пожрать.

Какое-то вдруг не мое слово – «пожрать».

Так же, как и – «покушать». Не люблю этих слов и не говорю так.

– Дай на пожрать, пожалуйста.

Я понял, откуда это взялось: передо мной стоял унылый человек в джинсовой грязной куртке, с тоскливым взглядом, одна рука висит, вторая сунута в карман и прижата к дрожащему телу (фото 23).

Я до того привык за эти часы снимать все окружающее, что и на него навел камеру телефона. Он не возмутился, не удивился, просто отвернулся и собирался уйти. Мне стало неловко.

– Места ваши снимаю, – сказал я озабоченным голосом должностного человека, – для своей конторы. Риэлторы мы. Клиенты просят показать, в каком районе что предлагаем. Чтобы своими глазами увидеть.

Человек уныло смотрел в сторону.

Фото 23

– Говорите, насчет поесть? – спросил я.

– Ну. Рублей тридцать.

– На тридцать рублей ничего не съешь.

– У меня есть, я добавлю.

– А где тут можно поесть вообще? Я бы тоже. Может, вместе?

– Да нет, – он явно тяготился ненужным общением.

– И выпили бы, – сказал я. – Хочешь выпить?

Я перешел на ты, хотя не имею такой привычки, но догадался, что вежливое выканье будет его напрягать.

Он остановился, посмотрел куда-то на асфальт между мной и собой и сказал:

– «Му-Му» тут недалеко. Там наливают. Дорого. Проще в магазине купить.

– Ничего, я угощаю.

И мы пошли в «Му-Му». Он волочился рядом нехотя, но послушно, и я его понимал: ему и выпить хотелось, и компания странного человека была обузой. Дал бы сотню, да и отпустил с богом.

Но мне хотелось с ним поговорить. В конце концов, я постоянно откликаюсь на чьи-то исповеди, выслушиваю, даже когда не очень хочется, почему бы и мне хоть раз не использовать кого-то? И не задаром, между прочим.

А вообще-то я подаю милостыню всегда. Всем бомжам, калекам, женщинам с младенцами, крестящимся старухам.

Вера, когда мы только познакомились, смеялась над этой моей привычкой.

– Что ли, грехов много, откупаешься?

Потом, когда поженились, сердилась и выговаривала:

– Вы, которые типа добренькие, только размножаете эту шваль! Это же бизнес, ты не знаешь? Калеки эти, мамы с грудничками, у них хозяева, они им зарабатывают деньги. Вот если все перестанут подавать, они сами по себе исчезнут. Бизнес рухнет.

– Это фантастика: все сразу подавать не перестанут. И да, я знаю, что это у кого-то бизнес. А у кого-то и нет. Кто-то действительно реально голодает. По разным причинам.

– Голодают они! Как те таджикские у@быши!

Вера имела в виду неприятную историю, случившуюся с ней. Ехала с работы, подолгу стояла в пробках, увидела снующих между машинами таджикских детей лет десяти-двенадцати. До этого они ей так близко не попадались. Стало жалко, опустила стекло. Тут же подлетел шустрый мальчик в тюбетейке.

– Тета, кушат надо, пажалста! – попросил он.

Деньги у Веры, конечно, были. Но была и начатая пачка крекеров, которые она грызла. И она протянула эту пачку мальчику, чтобы потом, возможно, дать еще и денег. Но не успела,

мальчик взял крекеры, посмотрел на них, сморщился и швырнул обратно в машину, крекеры обсыпали Веру с ног до головы. После этого он закричал:

– Блад, денег дай, я сказал кому!

– Ах ты, сучонок! – изумилась Вера.

Мальчик засмеялся, плюнул в Веру, попав на плечо, которое она потом долго терла, и исчез.

С тех пор она принципиально никому никогда не подает, даже церковным нищим, посещающим по праздникам храм (ей нравится думать, что она верующая).

Однажды она сказала:

– Я поняла, почему ты им подаешь. Ты страшно зависимый, ты зависишь от чужих мнений. Даже нищих и бомжей. Не дай бог подумают, что ты скупой или бедный. Мне вот глубоко насрать, кто и что обо мне думает, я сама себе цену знаю. А тебе даже перед этим дерьмом хочется выслужиться.

Я не спорил, потому что часть правды в этом была. Но только часть. Я вовсе не боюсь, что подумают, будто я скупой или бедный. Мне просто это нравится. И я люблю удивлять. Иногда – конечно, не каждый раз, я могу дать не просто подачку, а серьезную бумажку. Тысячу рублей, например, дал смуглому восточному мужчине в халате и на костыле, стоявшему возле магазина, что по соседству с нашим домом. Настроение было хорошее, на душе было светло, уже не помню, отчего, увидел этого человека, вынужденного попрошайничать, хотя далеко еще не старик, захотелось, чтобы ему тоже стало хорошо, вот и дал ему тысячу. И не стал даже любоваться на реакцию, прошел мимо. Правда, через несколько дней, когда оказался там, восточный человек бросился ко мне со всех ног, вернее, с ноги и костыля, начал низко кланяться и что-то бормотать благодарным голосом. Стало неприятно, я дал ему на этот раз сто рублей. И потом старался в магазин этот не ходить, а если и оказывался там, сначала выглядывал, торчит ли нищий на костыле. А через месяц-другой, с наступлением предзимних холодов, он исчез.

Но забавы этой я не бросил, хотя и понимаю, что в ней есть что-то не совсем хорошее.

В «Му-Му» было пусто: время обеда прошло, время ужина не наступило.

Унылый человек вел себя скромно, взял капустный салат и рыбную дешевую котлету с гречкой. Напитки были перед кассой. Компоты, морсы, соки из пакетов, я этого ничего обычно не пью – Вера отучила. Сейчас злорадно (в отместку Вере?) взял суррогат апельсинового сока ядовито желтого цвета. Химически чистый продукт. И попросил бутылку водки.

Фото 24

– Бутылками не подаем, – сказала девушка за стойкой.

– А ты открой, – посоветовал ей мой товарищ, знающий порядки.

Она кивнула, дала откупоренную бутылку и два стакана. Чтобы запить, я взял две больших стеклянных кружки с чем-то красным.

Сели за стол, поставили подносы.

– Меня Митя зовут, – сказал я.

– Анатолий, – буркнул он.

Я налил водки по половине стакана, приподнял свой стакан:

– Твое здоровье!

– Спасибо.

Я отпил небольшой глоток вонючей и гадкой водки (я ее и хорошую-то не очень люблю), Анатолий же проглотил свою порцию сразу, подцепил вилкой капусту, начал жевать, неровно двигая челюстями, будто что-то перекачивал во рту со стороны на сторону. Зубы плохие, из-за этого.

– Живешь здесь? – спросил я.

– Ну.

– Неплохой район.

Он неопределенно повел плечом.

Отколупнул небольшой кусок от котлеты, сунул в рот, опять трудоемко зашевелил челюстями. Отпил что-то мутно-коричневое из стеклянной кружки – наверное, компот. Видно было, что он опасался изобилием еды заглушить хмель. Посмотрел на бутылку. Я налил ему еще.

Он выпил легко, как воду, глубоко вздохнул и начал тереть ладонями глаза. Может быть, это была его первая гигиеническая процедура с утра, хотя время перевалило за полдень.

Потыкал вилкой в салат и вдруг сообщил:

– А район фуфловый. Я тут с детства живу – ничего хорошего. Но раньше было хуже.

– Видишь, что-то меняется.

– Фуфло, если и меняется, оно все равно фуфло. На пиво дашь? Пить чё-то захотелось. Жидкость в кружке он за питье не признавал.

Что ж, не зря пиво назвали пивом, дал я ему денег на пиво. Он ушел и вернулся, на ходу прихлебывая светло-бурую жидкость.

Сел и продолжил беседу.

– Лично я, вот предложи мне хоть Кремль, не переселюсь. Хоть Арбат, хоть шмарбат. Там дышать нечем. А тут воздух. Я утром на балкон выхожу – у меня дерево прямо в рожу мне листочками шуршит. И соловей нах@яливает. Как в деревне.

– А говоришь – фуфло.

– Кто?

– Что. Район.

– Кто сказал?

– Ты.

– Мало ли. Ты прямо вот всегда доволен, что ли?

– Нет.

– И я нет. Местами. Могу и поругаться. Могу?

– Конечно.

– Могу. Местами. Но в целом я обожаю наш район. Ты зелени видел, сколько у нас?

– Да, зелень есть.

– Еще какая! Так что даже не думай, переезжай.

– Спасибо за совет.

Я говорил с ним и что-то ел, хочется сказать – не чувствуя вкуса, но вкус был такой, что не почувствовать его было невозможно. И мне именно нравилось то, что мясо жесткое и пересоленное, что от клочков брюссельской капусты отдавало чем-то затхлым, что в гречке был какой-то кисловатый привкус – наверное, соуса, которым гречку поливают, а соус этот готовят впрок на всю неделю.

Мне нравилось и чувство хмеля, которое в меня вползло, туповатое и мутное. Все было не то, что я привык есть и пить, хотя и не гурман, но я себя будто наказывал за что-то, непонятно, за что. Или привыкал к чему-то новому, хотя никакой в этом необходимости не было.

У меня еще у метро появился соблазн ошеломить этого заурядного алкоголика неожиданным даром – как ошеломил когда-то колченогого попрошайку у магазина. Сейчас вытащу тысячную бумажку, положу и скажу: бери. На счастье. От чистого сердца. Вот будет восторг у мужика!

Меж тем Анатолий, выпив почти всю бутылку и залив ее пивом, не очень даже и опьянел, с явной скукой дожидаясь момента, когда можно будет уйти.

Достал из кармана пачку сигарет и огляделся.

– Нельзя курить. Я выйду?

Сейчас уйдет и не вернется. А зачем? – все выпито, на добавку рассчитывать вряд ли приходится. Да ему, возможно, не надо, он знает свою норму, живет на подсосе, как говорил сосед из моего детства, техник при котельной военного городка дядя Кеша, который никогда не был трезв, но и сильно пьяным его никто не видел. На подсосе живу! – хвастался он.

– Постой, – сказал я Анатолию. И достал бумажник. Открыл его. Там было несколько тысячных купюр и одна пятитысячная. Тысяч десять всего, обычная карманная сумма для человека среднего достатка. Я хотел вынуть тысячу, но подумал, что этой суммы мало для того, чтобы в меланхолической душе Анатолия что-то зашевелилось. А вот пятерка наверняка ошарашит.

И я положил на стол красную бумажку.

– Возьми.

– Не понял, – сказал он.

– У меня сегодня хороший день, – соврал я. – Хочется, чтобы и тебе было хорошо.

– А меньше нет? Я эту еще и не разменяю. Или скажут: украл. Или потеряю.

– Другие деньги тоже можешь потерять.

– Если меньше, не жалко. А эту – ну ее! – Анатолий посмотрел на пятитысячную купюру почти брезгливо.

– Ладно.

Я забрал пятерку и положил тысячу.

– Другое дело, – сказал Анатолий, огляделся, взял бумажку, аккуратно сложил и сунул в нагрудный карман. – Спасибо.

– На здоровье.

Он постоял еще немного, а потом, кашлянув, сказал:

– Ну, я пошел?

– До свидания.

– Главное, даже не думай, переезжай. У нас отлично. Я тебе говорю.

И, отблагодарив меня этим советом, он удалился, оставшись для меня загадочным и непостижимым, причем вряд ли я постиг бы его, даже если бы даже с ним год. Может, потому, что постигать там особо и нечего.

И вдруг мне стало как-то холодно и тревожно.

Приступ страха перед приступом боли.

У меня со студенческого времени язва желудка, залеченная, но не исчезнувшая. И мне известно, как это бывает: ты еще не догадываешься, что сейчас будет больно, а твой организм уже знает, он получил сигнал, бегут по сосудам и нервным нитям какие-то там тельца или нейроны панической толпой: ребята, поторопись, сейчас накроет! Вот это ты и чувствуешь необъяснимым страхом, а уж потом, часто почти сразу же, является боль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.